

*По мотивам жизни
родной сестры.*

Глава 1.

БОЛЬНИЦА

1.

– Мам, ну как она? – спросила я, приоткрыв больничную дверь.

– Дочь, – полушёпотом ответила мама, – с приездом! Проходи.

Мама встала и, взяв меня за руки, ввела в палату.

– Почему ты мне раньше ничего не сказала? – всё ещё шёпотом спросила я.

– А зачем? Что изменилось бы? Мы с папой держим тут всё под контролем. Операция прошла вроде бы успешно, семь часов оперировали, но она ещё не отошла от наркоза, спит.

Я посмотрела на маму и поняла, что всё, действительно, хорошо. Мама всегда умела держать себя в руках, только в первые минуты какой-нибудь неприятности можно было проследить на её лице тревогу, а позже, если она уже решила, как поступить и что делать, лицо её становилось обычно добродушное. Не смотря на возраст, она была красива, полновата, но эта полнота, которая радовала моего отца, ей шла. Правда, сейчас она была немного бледна, может, отсвечивал бе-

лый больничный халат, а может это все же последствия тех переживаний, которые она перенесла за последние несколько часов. Я больше склонялась к последней версии.

– Мам, ты иди домой, я побуду тут.

– Но ты же только приехала, тебе нужно хоть перекусить, принять душ.

– Мам, всё в порядке. Я не голодна, поела в автобусе. А душ приму позже. Ты иди, там ещё папе нужно с малышкой помочь. Ирма сейчас всё равно спит, и я побуду с ней.

– Хорошо, – опустив глаза, сказала мама. – Пойду, приготовлю вкусенького чего-нибудь. Ирма проснётся, ты сразу нам звони, мы приедем.

– Непременно.

Мы встали и прошли к палатной двери. Длинные полы маминого платья плавно двигались в такт её движениям. Она шла неспешно, чувствовалось, что насильно заставляет себя уходить.

– Мам, ты ничего мне не говоришь по поводу того, как всё это произошло.

Мама остановилась в дверях, повернулась ко мне, печально улыбаясь:

– Потому и не говорю, потому что не знаю.

– А что говорит сама Ирма?

– Говорит, что подвернула ногу, спускаясь по лестнице.

– Но ты не веришь?

– Дочь, давай подождём, пока Ирма придёт в себя.

Она чмокнула меня в щёку и закрыла за собой дверь.

Только сейчас я смогла разглядеть палату. Палата как палата. Стены до половины белые, другая половина – синяя. Обычная советская палата. Из обстановки кровать, тумбочка под окном без занавесок и пара стульев,

на которых, кстати, всегда немного страшно сидеть, каждый раз думаешь, что стул под тобой так и разлетится на составные части.

Посреди палаты на кровати, под белой простынею, лежала моя сестра, Ирма. Она, которая от природы была очень красива, похожая на маму, сейчас была настолько бледна, что мне стало страшно. Такой я её никогда не видела. Сестра сейчас очень похудела, щёки впали, веки даже не подёргивались от сна. Тёмные кудрявые волосы, не очень длинные, были разбросаны по подушке. Я села на стул рядом с ней и стала поправлять её локоны, собирая их вокруг лица. Так казалось аккуратнее.

Я давно не видела сестру. Так вышло, что место моей учебы находится от родительского дома на расстоянии нескольких сот километров. Но я старалась быть в курсе дел родителей и Ирмы. Но чувствовалось, что что-то я всё-таки пропустила.

Ирма старше меня на четыре года. Всё детство мы были вместе. Потом она уехала учиться и приезжала по выходным, привозив мне всевозможные гостинцы, которых в то время в нашем маленьком городке невозможно было достать. Её приезды были для меня праздником. Да и родители всегда устраивали праздничный ужин в честь приезда старшей дочери. В то время я ещё училась в школе.

Когда я уже была в выпускном классе, Ирма вернулась и устроилась на работу. Но наши отношения утратили уже ту детскую непосредственность. С кого я должна была брать пример? Конечно, со старшей сестры. Но... Но мы были настолько разными, что ни её окружение, ни её саму я уже в том самом виде воспринимать не могла. Подростковый критицизм сделал своё дело. Мы ругались со страшной силой, дело доходи-

ло и до драк. Родителям старались ничего не говорить, чтоб не печалить их, но всё равно мама стала замечать, что между нами уже не было прежней привязанности. Так как Ирма была старше, беседы мама всегда начинала с неё. А мне уже доставались обвинения в непонимании, критичности и жёсткости. Не могла мать понять, что тот волшебный образ старшей сестры, который я хранила в своём сердце, ничего общего не имеет с этой нервной, своевольной девушкой, которая сейчас живёт со мной в одной комнате.

Папа любил нас той безграничной любовью, которая свойственна только творческим личностям и все наши споры считал мелочами. Но именно с отцом я чувствовала себя совершенно спокойно. Мы с ним редко говорили о моих взаимоотношениях с сестрой, но когда разговор нечаянно переходил в эту жизненную грань, он старался поддерживать меня, не обвинял, не старался изменить, просто давал возможность выговориться. И я это ценила. Думаю, что Ирма тоже знала, кому можно поплакаться в жилетку.

Тем временем из-за ссор с Ирмой, портились и мои отношения с мамой. Оказалось, что ни один мой довод не был весомым для неё. Ирма умела мать убеждать, я – нет. Конечно, мне было обидно. Постепенно я закрывалась в себе. Примерно в это самое время со мной произошла первая любовь, поэтому вся была в мечтах и на некоторое время просто перестала замечать всё, что происходило в семье. Но кавалера завела и моя сестра тоже. И теперь кроме распущенных подруг Ирмы в наш дом постоянно приходил ещё и её парень. Правда, парень – громко сказано. Мужик уже был. Ирме было где-то лет 20, наверное, ему – вдвое больше. Звали его Святослав. И имя такое, что кажется, что чуть не святой. Ага, где там!

Какое-то время Ирма скрывала от родителей, что они со Святославом встречаются. Конечно, он старше её намного, да ещё и женат. От родителей сама скрывала, и меня врать вынуждала. Но я не врала, просто не вмешивалась и молчала.

Знаем все, что мир не без добрых людей, и мама узнала об их связи. Скандал был невозможный. Ирма не хотела никого слушать, любит и всё, чуть из дома уже уходит собиралась. На маму в тот период было страшно смотреть. Я жалела её, но она близко меня к себе не подпускала, и если я хоть слово плохое в адрес Ирмы при ней говорила, то она меня растирала просто в порошок. Поэтому моё молчание стало ещё более глубоким, благо, выпускной класс в школе требовал моего усердия в учёбе, чем я и занималась, с удовольствием прячась за книжками от семейных скандалов. Иногда встречалась со своим парнем, который учился в другой стране и приезжал крайне редко. Но желание вырваться из дома было просто непреодолимым. Как только удалось сдать вступительные экзамены, я, ссылаясь на учёбу, редко стала приезжать домой. Учёба не тяготила меня, больше меня тяготили отношения с мамой.

Неожиданно узнаю, что Ирма беременна и что Святослав, наконец, ушел от своей бывшей жены, гражданской, между прочим. Родители вынуждены были дать согласие на их брак. Потом ещё оказалось, что у Святослава Ирма официально уже четвёртая жена. Сколько неофициальных жён было, он, скорее всего, и сам уже не помнил. Свадьбы не было. Расписались они в присутствии нескольких человек. Родители при регистрации брака не присутствовали, но торжественный ужин всё-таки организовали. Ирма тогда казалась безумно счастливой.